

(Начало в «Дне поэзии» – 2017, 2018, 2019)

XVII

Кто белой ночью не влюблялся в свет, исходящий отовсюду,
в мерцающий, воздушный абрис Александрийского столпа,
в свечение сквозь ткани неба едва заметных звёзд... и в чудо
преображения пространства, когда на мрак земля скупа?

Кто не желал душой открыться и свет в себя впустить, вдыхая прохладный воздух, над Невою струящийся из-под зари?
Кто не любил сидеть на камне, ногами, как пацан, болтая.
Жалеть о том, что зря при свете горят ночные фонари?

Она уставшая бродила всю ночь по набережным сонным,
стояла у воды, пыталась связать любовью берега.
Она, как мать Его любила... Выстраивала бастионы
защиты от нападок дерзких, злом одержимого врага.

XVIII

Слова неслись метельным вихрем, Он сочинял не сочиняя.
Слова цеплялись за бумагу и исчезали в пустоте...
Он, не спеша, не паникуя, свободы слов не умаляя
писал о горе человечьем и неисполненной мечте.

Ещё писал о высшем счастье, которое любовь сулила,
о долге, преданности, славе... о достижениях в борьбе.
Луна холодной зимней тайной Его безудержно манила.
Он верил в свои силы, знаки, пророчества... своей судьбе.

Его открытиям успешным не уставали удивляться
филологи, искусствоведы, поэты, критики и проч.
Восторгом публики согретый, Он был готов не расставаться
с пером, свечой, окном, бумагой... Боготворил луну и ночь.

XIX

Он победил болезни сердца и светом был с триумфом встречен –
о нём писали и судили, в эфиры звали и в кино,
считались с мнением, просили писать ещё... Неужто вечным
стал временный союз со славой?.. Им было всё поглощено.

Свет возносил Его над миром... Над крышами и куполами,
над ангелом на тонком шпиле, над телебашней городской.
Льстил тайно в мыслях и публично, играя ложными словами
лишил его опоры веры, разрушил нравственный покой.

Он засыпал и просыпался с глубоким чувством оправдания
своих поступков, планов, стиля, холодной логики игры.
Она всё видела, стремилась разбить внушенные желания,
он, защищаясь сторонился, в чужие забежал дворы.

Она не предала... С упорством, прессуя время перед встречей,
вела домашнее хозяйство, хранила рукописей свет.
Он приходил... обедал молча – не посвящал любимой вечер.
Писал стихи, как будто с нею не прожил трёх счастливых лет.

XX

В один из дней, когда осенний спускается на землю холод,
когда листвою заносит быстро вдвоём пройденные пути,
Он вышел рано без напутствий, не утолив с любимой голод...
Вернулся поздно – пыльным, пьяным – и попросил её уйти.

Она ушла... Как может дама себя навязывать кому-то?
Хоть даже родственному сердцу... Ушла ногами – не душой.
Осталась рядом... невидимой. Чтобы помочь ему... Как будто
предвидела, что будет трудно... Разлука кажется простой.

Она любила и страдала, хотело колесо фортуны
вспять раскрутить, чтобы вернуться обратно к счастью без измен.
Он с головой ушёл в себя, не узнавал соседей... Струны
его души не пели – ныли... Он не заметил перемен.

XXI

Как быстро проигралась осень... бежит дорожка временная,
торопится успеть повсюду в заботах суетных народ.
Ещё недавно расцветала черёмуха в прохладах мая,
и вот уже октябрь прохладой, упавший лист к газону жмёт.

На лужах по утрам хрустящий – узорный, но не прочный – панцирь,
на ветках белоснежный иней – кристаллы солнечных лучей.
Прозрачный воздух чист до рези, и не зависит от дистанций
картинок чёткость... Тлеют в окнах закатов тысячи свечей.

В стоячих водах отражения багряных клёнов, серых ив
небес сменились отражением, запутанных в сетях ветвей.
В пруду Таврического сада остались зимовать, забыв
о тёплом юге сотни уток... под взглядом местных голубей.

Она любила это время – предзимье, первые морозы,
бродила молча по дорожкам, бросала уткам сухари.
Конечно, без Него страдала, и волей сдерживая слёзы,
ждала мгновенья – с тёмной грустью – когда зажгутся фонари.

XXII

Во сне гремели пушки гулко, дымки стелились над рекою,
на набережных музыканты творили музыку без слов.
Дыша морями, осторожно, скользя зеркальной водою
в Неву входил – как птица-лебедь – огромный парусник «Седов».

На ряях юные матросы, летя над городом портовым
фалы вязали, без страховки... и убирали паруса.
Барк ждали женщины, девчонки, отцы, друзья... Каким-то новым
он вновь зашёл в столичный город. Пробили склянки полчаса.

Он встретил парусник в VIP-зоне, поймал его в видеоискатель
немецкой марки аппарата, нарисовал фотопортрет.
Один старейший, знаменитый, приятный на лицо, писатель
схватив Его рукой под локоть, торжественно увёл в буфет.

XXIII

Там они выпили, вкусили заморских устриц и кальмара,
за город тосты возглашали и за бесстрашных моряков...
Затем ушли, забыв о барке, чтоб на скамеечке бульвара
поговорить о точных рифмах, о действии на свет стихов.

Поговорили, помечтали, по сигарете раскурили...
и разошлись, не обозначив ни действий, ни рифмовых сил.
Кварталы центра с ветром моря давно безудержно дружили,
приветливо встречали друга... Он чистоту с собой носил.

Сдувал с проспектов и бульваров автомобильный едкий смог,
свежил санкт-петербургский воздух, рябил широкую Неву,
в дни праздников играл флажками... и флагами большими мог.
Любил ласкать кварталов крыши, и в скверах редкую траву.

Он против ветра шёл по пирсу, у Крузенштерна задержался,
в лицо всмотрелся адмиралу... Плащ хлопал полами, как флаг.
Зюйд-вест его насквозь продул... Он, наконец, себе признался,
что власть над ним незримо держит упрямый и надменный враг.

По линиям, делящим остров на одинаковые доли,
бродил он до луны восхода... К Неве вернулся – ветром стал...
Причальной стенкой пролетая, и подчиняясь высшей воле,
решил искать то, что когда-то в порыве страсти потерял.

XXIV

Как много в Петербурге башен! Больших и маленьких... и средних...
Как часто солнце задевает какой-нибудь на башне шпиль...
Венчают башни перспективы широкие проспектов древних,
встречают первыми ненастья, и обожают полный штиль.

Под башней Думы можно думать, троллейбус взглядом провожая.
Под башней водного музея толкает бочку водовоз.
Под башней финского вокзала, об окаянных днях вздыхая,
в стеклянной призме просыпаясь, тоскует старый паровоз.

Его мансарда тоже с башней – пространства сильной доминантой.
Шпиль, словно пика, жить без неба не может – нечего колоть.
Под окнами в рельефах лепки висят красивою гирляндой
дубовые листья и маски, кирпичную скрывая плоть.

Она пришла под эту башню, чтобы помочь ему проснуться.
Наверх подняться не посмела, лишь постояла у дверей.

Взлетела в небо, чтобы ветру спасительному улыбнуться.

Он, вычищенный этим ветром, был всяких недругов сильнее.....